

DOI 10.25991/VRHGA.2023.4.4.020

УДК 008(091), 37 (091)

*Р. В. Светлов, А. В. Володин**

ПЕРЕПИСКА А. Н. ЕГУНОВА И А. А. МУЗИЛЯ**

Публикуется письмо А. Н. Егунова, посвященное спектаклю Александринского театра «Дворянское гнездо» по повести И. Тургенева, а также ответ на него режиссера этого спектакля А. А. Музиля. Эти письма — важное свидетельство о подходе А. Н. Егунова к работе с оригиналом, на котором построено новое произведение. Он предъявляет к театральной постановке те же требования, что и к переводу: единство стилистических решений. Вместе с тем, эти письма добавляют информацию к истории одного из самых известных театров Северной Столицы России.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, история российского театра, А. А. Музиль

R. V. Svetlov, A. V. Volodin

CORRESPONDENCE BETWEEN A. N. EGUNOV AND A. A. MUSIL.

A letter by A. N. Egunov dedicated to the play of the Alexandrinsky Theater «The Nobleman's Nest» based on the story by I. Turgenev, as well as the response to it by the director of this play, A. A. Musil, is published. These letters are important evidence of A. N. Egunov's approach to working with the original, on which a new work is built. He places the same requirements on the theatrical production as on the translation: the unity of stylistic solutions. At the same time, these letters add information to the history of one of the most famous theaters of the Northern Capital of Russia.

Keywords: A. N. Egunov, history of the Russian theater, A. A. Musil

В архиве замечательного отечественного писателя, поэта, переводчика, ученого, человека очень противоречивой судьбы Андрея Николаевича Егунова [6], материалы которого уже печатались на страницах Вестника РХГА [4],

* Светлов Роман Викторович, доктор филос. наук, проф., директор Высшей школы философии, истории и социальных наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; RSvetlov@kantiana.ru

Володин Андрей Владимирович, студент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта; andreivladvol@gmail.com

** «Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00671, <https://rscf.ru/project/22-28-00671/>», Балтийский федеральный университет им. И. Канта

имеются несколько официальных машинописных писем, два из которых мы представляем вниманию читателей. Это — краткая переписка Андрея Николаевича с Александром Александровичем Музилом (1904–1994), режиссером Александринского театра (до 1990 г. «Театр драмы им. А. С. Пушкина»), по поводу постановки пьесы «Дворянское гнездо».

А. Н. Егунов, судя по всему, побывал на одно из последних представлений «Дворянского гнезда». Первая версия этого спектакля увидела свет еще 24 мая 1941 года, за месяц до начала Великой Отечественной войны. Театр был эвакуирован в Новосибирск и в 1941–44 годах он более 100 раз представлялся на сцене тамошнего театра «Красный факел». Наиболее успешными стали сезоны 1944–45 и 45–46 годов, когда, уже после возвращения из эвакуации в Ленинград спектакль на сцене Александринки зрители видели 105 раз. Постепенно количество постановок уменьшается и в 1953–54 годах были даны последние девять представлений спектакля [1].

Режиссер спектакля Александр Александрович Музиль, заслуженный деятель искусств РСФСР (1956), представитель настоящей театральной династии, практически всю свою творческую жизнь посвятил именно Александринскому театру. Вместе с тем А. А. Музиль известен также как выдающийся педагог, работавший профессором кафедры режиссуры в Ленинградском театральном институте (в 1974–1980 годах он занимал там должность декана драматического факультета). У него учились такие замечательные деятели наших сценических искусств, как Алексей Герман, Леонид Менакер, Игорь Масленников, Исаак Штокбант, Лариса Малеванная и многие другие.

В первой постановке роль Лаврецкого (исполнение которой и обсуждается в публикуемой ниже переписке) исполняли заслуженный артист РСФСР Владимир Эммануилович Крюгер (1899–1960) и знаменитый «Петр I», народный артист СССР Николай Константинович Симонов (1901–1973).

В 1958 году Александринский театр возобновляет столь популярный в прошлом спектакль. Режиссером его является по-прежнему Александр Александрович Музиль. Особую роль играют декорации, передающие дух эпохи, о которой писал Тургенев (см. упоминание об этом А. Н. Егунова). Некоторые из них в наше время являются частью музейной коллекции театра. Постепенно обновляется актерский состав. Роль Лаврецкого в сезонах 1960-х годов исполняет Игорь Олегович Горбачёв (1927–2003), выдающийся деятель советского и российского театра и кино, режиссер, народный артист СССР. К этому моменту он уже был известен в театральных и зрительских кругах, прежде всего благодаря экранизации Владимиром Петровым гоголевского «Ревизора» (1952 г.). Многие читатели старшего поколения наверняка вспомнят Хлестакова в исполнении будущего народного артиста СССР, персонажа, представленного Горбачевым в ироническом и комедийном ключе.

Несмотря на это второе рождение спектакля было не таким успешным, как первое в 1958–62 годах он побывал на сцене лишь 60 раз [2]. Трудно сказать, что было причиной этому — либо менялась стилистика спектаклей и от театра в начинающуюся бурлящую эпоху шестидесятых ждали чего-то другого. Либо И. О. Горбачёв так и не «попал» в эмоциональную интонацию, которая была свойственна его персонажу грустной истории, созданной И. Тургеневым.

А, может быть, дело было в стремлении «Александринки» к развитию. В любом случае А. Н. Егунов побывал на одном из последних представлений.

Замечание А. Н. Егунова касается лишь одной детали спектакля — появлению на сцене в руках Лаврецкого папирос и спичек, принадлежащих к современной эпохе, а не к тому времени, о которому посвящена пьеса. В вопросах точности соответствия избранной стилистики А. Н. Егунов был принципиален, что видно из его обсуждений переводов диалогов Платона на русский язык [5]. «Постмодернистское», как сейчас сказали бы, вкрапление современной детали в ткань повествования о прошлом его не могло не раздражить. Отсюда и письмо; лишь в самом его конце он позволяет себе оценку исполнения роли Лаврецкого. Все остальное внимание — на детали, которая точно ошибочна.

Александр Александрович Музиль в своем ответе благодарит критика, но защищает и артиста, и сам факт того, что Лаврецкий курит. Известно, что Музиль имел — по крайней мере у студентов, учившихся у него спустя два десятилетия, — славу человека, обладавшего взрывным, даже неистовым характером [3]. Но тон ответного письма аккуратен и выдержан. «Младший научный сотрудник» Пушкинского дома получил максимально корректный ответ. Правда, мы не знаем, успела ли деталь с курением Лаврецкого поменяться во время спектакля, так как история постановки вскоре завершилась.

Несколько слов по поводу публикуемого материала. Документы пронумерованы и озаглавлены в квадратных скобках. Орфография автора сохранена, грамматические особенности оставлены в том же виде, что и в тексте. Скобки-ёлочки проставлены как в тексте. Перенос слов, как в оригинале, не соблюдается. Типографический перенос строк (напр., в подписи Егунова, завершающей письмо) не соблюдается. Абзацы соблюдены. Особенности оформления ссылок (напр., отсутствие отступа после точки в «гл.ХУП») сохранены. Примечания — авторов публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворянское гнездо. Тургенев И. С., Музиль А. А., 24.05.1941. // Национальный драматический театр России Александринский театр. Коллекции онлайн. Спектакли. Электронный ресурс <https://collection.alexandrinsky.ru/entity/SPEKTAACL/3502714> — дата обращения 23.08.2023.

2. Дворянское гнездо. Тургенев И. С., Музиль А. А., 12.07.1958. // Национальный драматический театр России Александринский театр. Коллекции онлайн. Спектакли. Электронный ресурс <https://collection.alexandrinsky.ru/entity/SPEKTAACL/3519976> — дата обращения 23.08.2023.

3. Латышев И., Скороход Н. и др. Вторые педагоги. // Петербургский театральный журнал. № 3 (97) 2019. Электронный журнал <https://ptj.spb.ru/archive/97/aesthetic-memory-of-the-theater/vtorye-pedagogi/> — дата обращения 23.08.1963.

4. Минак В.С. А. Н. Егунов как исследователь отечественной и зарубежной литературы. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 4. С. 168–172.

5. Светлов Р. В., Минак В. С. А. Н. Егунов как переводчик Платона // Платоновские исследования. 022. Т. 17, № 2. С. 199–218.

6. Федоров Д.А., Колмакова М. В., Андерсон О. Н. Архив Андрея Николаевича Егунова. // Платоновские исследования. 2022. Т. 17. № 2. С. 126–136.

1. [Обложка письма тов. Егунову]

Здесь
Набережная Макарова 4
Институт Русской литературы / Пушкинский дом
Мл. научному сотруднику
тов. Егунову А. Н.

2. [Письмо Егунова]

Уважаемый товарищ!

В спектакле «Дворянское гнездо» артист Горбачев, играющий роль Лаврецкого, несколько раз по ходу действия закуривает — прием чрезвычайно банальный, часто используемый в пьесах из современной жизни для подчеркивания нервного состояния персонажа.

Между тем из романа Тургенева видно, что Лаврецкий не курил: когда Лаврецкого навещает его старый приятель Михалевич, то только Михалевич выкуривает «трубку за трубкой», но не Лаврецкий /глава XXУ/.

Кроме того, закуривание в гостиной, при дамах, без их на то разрешения, противоречит быту «дворянского гнезда» и вообще вряд ли было возможно тогда. Старшее поколение еще продолжало нюхать табак: Марфа Тимофеевна упоминает, что Паншин подарил Настасье Карповне «табакерку»^{*}, как она выражается, и полушутливо говорит Лаврецкому: «Федя, попроси у ней табачку понюхать» /гл.ХУП; в текст сценической переделки это не вошло/, но Лаврецкий, конечно, этого не делает.

Самое досадное, однако, то, что когда Лаврецкий-Горбачев «обыгрывает» свое закуривание, зритель видит те самые папиросы, которые имеются и сейчас в продаже и которых не могло быть в 1842 году /время действия романа/. Пахитоски в середине прошлого века курили только дамы — но, разумеется, не из той среды, что изображена в романе «Дворянское гнездо». Еще хуже со спичками: в 40-е годы прошлого века не было наших нынешних «безопасных спичек». Были серные спички, их зажигали, чиркая о шероховатую поверхность — не коробки, а стены или попросту, подошвы. Если уж, вопреки роману, заставляя Лаврецкого курить, то он должен курить трубку или из чубука, закуривая от свечи или тлеющего трута, подаваемого слугой.

Это, конечно, мелочь, но подобный анахронизм нарушает театральную иллюзию, между тем спектакль претендует на реалистическое воссоздание быта «дворянского гнезда» /костюмы и мебель/.

Жаль, что исполнитель роли Лаврецкого не читывается в роман Тургенева, это, впрочем, видно и вообще из трактовки им образа Лаврецкого, в который отмечаемая Тургеневым «не то задумчивость, не то усталость» Лаврецкого /

* Эта косая черта, похоже, идёт в тексте после отступа. Возможно, здесь обман зрения, вызванный спецификой печатающего устройства и никакого отступа нет.

** Поверх первой «к» в слове начертано нечто, отдалённо напоминающее букву «г».

гл.УП/ заменена важной самоуверенностью походки, жестов, интонаций, диссонирующей с прекрасной игрой остальных исполнителей, особенно ролей Лизы и старухи Марфы Тимофеевны.

Мл. научный сотрудник
Института русской литературы
/Пушкинский дом/

/А. Н. Егунов/

30 мая 1962 года

3. [Письмо Егунову]

Многоуважаемый тов. Егунов!

Благодарю Вас за желание помочь в нашей работе Вашими замечаниями по спектаклю «Дворянское гнездо». Ваши соображения о некоторых несоответствиях в исполнении образа Лаврецкого несомненно справедливы. Артист Горбачев, введенный год назад в спектакль вместо нар.арт.Симонова, с большим успехом и общим признанием исполнявшего роль Лаврецкого, еще не полностью воплощает на сцене черты образа и его работа находится в процессе постепенного созревания и совершенствования.

Что же касается Ваших упреков в анахронизме, допущенном в спектакле, конкретно выражающемся в курении Лаврецкого, по Вашим словам недопустимого в 42 году 19 века, то позволю себе не согласиться с Вами. Прежде всего, Лаврецкий курил — о чем есть указание в тексте главы ХХХ у Тургенева, давшего реплику Марфе Тимофеевне: «не кури, не могу я табачища Вашего терпеть, да и Матрос от него чихает!» Данный эпизод и воспроизведен в нашем спектакле.

Вы, конечно, правы, что в показываемое время курение в гостиной в присутствии дамы было вещью недозволенной, но всякое правило этикета, как нам известно, часто нарушается человеком в минуты душевного потрясения, нервного возбуждения и т. д. Потому, нам казалось, и наш консультант К. Н. Державин полностью одобрил это, что воспоминания* о измене жены могли вызвать у Лаврецкого состояние нарушенного равновесия, он забылся, закуривает, но, спохватившись, бросает курить. Ваше замечание о банальности «приема» курения, используемого, как Вы пишете, и в современных пьесах, не представляется мне серьезным.

В отношении же папирос и спичек Вы правы и мы учтем Ваше замечание. Очевидно, в спектакле есть и не упомянутые** Вами мелкие неточности, диктуемые иногда законами инсценировки романа. В целом же спектакль театра, идущий с 1941 года, был неоднократно высоко оценен прессой, указывавшей,

* Буква «с» внесена поверх другой буквы, как будто бы была опечатка.

** То же самое в отношении второй «у».

в частности, на точность примет времени и сохранения тургеневской атмосферы.

Еще раз благодарю Вас.

/А. Музиль, заслуженный деятель искусств РСФСР — режиссер спектакля/